

Ангел
Неот
Винтажный

Марина

Януш Вишневский

Мартина

«АСТ»

2006

УДК 821.162.1-31
ББК 84(4Пол)-44

Вишневский Я. Л.

Мартина / Я. Л. Вишневский — «АСТ», 2006

ISBN 978-5-17-112671-1

В настоящую книгу входят три рассказа: «Мартина», «Неверность» и «Рождение», объединенные темой человеческих взаимоотношений, порой обманчиво простых, а порой, наоборот, излишне сложных. Заглавный рассказ сборника Вишневский писал, общаясь со студентами (но и не только с ними!) на одном из популярных польских интернет-порталов. Так встретились люди разных поколений, полов, мировосприятий. И оказалось, что все они хотят говорить «о любви здесь и сейчас <...> и о счастье, которое мы часто ищем очень далеко, но которое постоянно рядом с нами и терпеливо ждет, пока мы заметим его и протянем к нему руку».

УДК 821.162.1-31

ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-17-112671-1

© Вишневский Я. Л., 2006

© АСТ, 2006

Содержание

«Мартина» возвращается	6
Я.Л. Вишневский, М. Маковский, Р. Палька-Смагожевская	7
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Януш Леон Вишневский

Мартина

JANUSZ LEON WIŚNIEWSKI,
Mariusz Makowski, Renata Palka-Smagorzewska
MARTYNA

i inne opowiadania o miłości

© Martyna i inne opowiadania o miłości, 2006, by Janusz Leon Wiśniewski.

All Rights Reserved

© Чайников Ю., перевод, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2015

«Мартина» возвращается

В октябре 2003 года в польские книжные магазины поступила книга, авторство которой трудно приписать одному человеку. Но несправедливо было бы приписывать его даже тем трем – мне и еще двум – авторам, фамилии которых появились на обложке «Мартины». Главным образом потому, что эта повесть рождалась публично, при участии многих людей, в основном молодых, впечатлительных, сплотившихся вокруг студенческого интернет-портала www.korba.pl. Загоревшиеся мыслью вместе написать книгу с использованием возможностей интернета, они своими идеями (высказанными в чатах, мейлах или выложенными на специальном форуме, все еще, заметьте, существующем) задали определенное настроение и обеспечили тот литературный материал, который и составил основу книги. Так на польском книжном рынке появилось абсолютно уникальное издание. Оно выражало душевные порывы сразу многих. И хотя такого рода коллективной работе сопутствует элемент риска, в ней может совершенно неожиданно появиться что-то новое. Тем более что здесь благодаря интернету все происходит на глазах читателей. Именно новаторство и привлекло меня в данном проекте. Для читателей же, как вскоре выяснилось, это не имело значения. Если они отметили книгу своим вниманием и решили приобрести ее (книга появилась в списке бестселлеров сети EMРiK), то главным образом из-за универсальности истории, рассказанной в «Мартине». Истории современной, включающей все то, что обычно люди ищут в беллетристике: повествование о любви здесь и сейчас, о настоящей дружбе, о моральном выборе, о грехе, об одиночестве, об относительности истины, о смысле жизни и о счастье, которое мы часто ищем очень далеко, но которое постоянно рядом с нами и терпеливо ждет, пока мы заметим его и протянем к нему руку.

Прошло больше трех лет после первого издания, и «Мартина» снова на полках книжных магазинов. По-моему, она не утратила своей актуальности. И возвращается дополненной двумя рассказами моего авторства, которые, хоть и написаны в другое время и при других обстоятельствах, созвучны с главной темой этой книги.

Януш Леон Вишневский

Франкфурт-на-Майне, октябрь 2006

**Я.Л. Вишневский, М. Маковский,
Р. Палька-Смагожевская
Мартина**

MARTYNA
—
Мартина

Он до сих пор не знает, зачем вернулся в тот вечер. Тихо вошел, ни слова не говоря, переложил книги с дивана на пол, сел сзади, отвел рукой ее волосы и прикоснулся губами. Она сидела неподвижно, всматриваясь в его отражение в стекле монитора, стоявшего перед ней на столике. Боясь ненароком дотронуться до нее, он нервно задышал, согревая места, которые целовал. Она напряглась, как в ожидании удара, сжала кулаки. Он коснулся лицом ее уха, схватил губами мочку с сережкой. Отпустил.

– Мартиночка моя, – прошептал он.

Потом выпрямился, поправил ее волосы, поцеловал в свитер на плече, встал и вышел. Продолжая неподвижно сидеть, она подняла руку, коснулась уха, которое он только что выпустил из рта, и поднесла пальцы к губам. Анджей...

С первого появления в ее жизни он всегда оказывался рядом, когда она испытывала в нем нужду. И всегда исчезал, когда она проникалась благодарностью к нему. Уже там, на вокзале, два года назад, когда она прибежала к автобусу до Щитно в последнюю минуту и водитель ехидно заметил ей, что «этот автобус не на дачные участки» и что «завтра будет следующий». Она чуть не заплакала, потому что «завтра» означало опоздание на целую вечность, потому что именно сегодня отец ждет ее в доме, полном ее фотографий, потому что он сварил ее любимый грибной суп, потому что он несколько дней рассказывал собаке, что к ним приезжает Мартинка. Он станет на пороге за два часа до ее прибытия и будет ждать, чтобы подхватить и занести в дом чемоданы, которых у нее никогда не было; он уже покрасил стены в ее комнате, передвинул кровать к окну и поменял занавески: теперь они короткие, и после пробуждения она сразу увидит озеро.

– Пожалуйста, я могу сесть на пол, могу стоять... Мне обязательно надо сегодня быть в Щитно, пожалуйста...

В этот момент парень в зеленой куртке встал рядом с водителем и, подавая ему свой билет, сказал:

– Тогда, может, я поеду сегодня на участки, а вы возьмете эту девушку. Откройте, пожалуйста, багажный люк, я заберу свои вещи.

Водитель взглянул на него раздраженно и, не вынимая сигареты изо рта, прокомментировал на повышенных тонах:

– А вы раньше не могли определиться, чего вам хочется? Я теперь что, весь багаж должен перевернуть, чтобы достать ваши вещи? Джентльмен, видишь ли, нашелся...

Парень повернулся спиной к водителю и, глядя ей прямо в глаза, тихо сказал:

– Не обращай на него внимания. Твое место у средних дверей. Я могу поехать и завтра. Меня никто не ждет.

– Но... Почему? Сколько стоит билет? Скажи, пожалуйста. Подожди!

Он не дослушал. Повернулся и ушел.

Их следующая встреча произошла через два месяца. Совершенно случайно. Отец дал ей денег на компьютер. Вдвое больше, чем было нужно. С тех пор как она уехала из дому (задолго до развода родителей), у нее было чувство, что отец хотел как-то компенсировать ей свое отсутствие. Будто хотел загладить вину, которой в общем-то и не было. Что он вроде как бросил ее. Она никогда не считала, что он бросил ее. Он всегда для нее проживал по тому же адресу и по всем другим их адресам. Если он уезжал более чем на день, то сразу звонил и сообщал номер телефона, по которому она может с ним связаться.

Иногда она разговаривала об этом с Магдой, подружкой, с которой вместе снимала жилье. Старше ее на шесть лет, «бабушка-студентка», как Магда порой себя называла, начала учиться, когда ее ровесники уже закончили. У Магды не было отца. Он умер до ее рождения, и она знала его только по фотографии. И вот эта самая Магда, которой слово «умиление» было так же чуждо, как пляж эскимосам, молчала и слушала, глядя ей в глаза. Магда обожала отца Мартины. Его приезды к ним в общежитие всегда были событием. Магда умела решительно изменить все планы, даже отменить свидание, чтобы только посидеть с ними при свечах и послушать его рассказы. Как-то вечером, когда после одного из таких посещений они остались одни, Магда достала из тумбочки металлическую коробку, а из нее – листок, исписанный мелким почерком. Налила стакан вина, выпила залпом, села на пол и начала читать. Собственно, она даже не читала: просто сидела с закрытыми глазами и декламировала по памяти письмо, которое отец написал ей до ее рождения. Письмо не родившемуся пока ребенку, которого он ждал и о котором мечтал. В ту ночь они спали вместе, прижавшись друг к другу, и по-настоящему подружились именно тогда.

Как-то субботним вечером, через два месяца после посещения Щитно, она взяла полученные от отца деньги и пошла в ближайший магазин, в витрине которого стояли компьютеры. Она медленно шла вдоль стеллажей, читала описания, помещенные рядом с серыми металлическими ящиками, мало что понимая. По-настоящему ей понравился только один. Он не был похож на другие. Весь из фиолетового плексигласа, он выглядел как телевизор будущего. Просто красивый. Ей хотелось иметь такой, даже если это был не компьютер вовсе. Наклонилась посмотреть цену и в этот момент услышала тихий голос:

– Ну и как, был тогда туман над озерами в Щитно?

Она резко обернулась. Сзади стоял он и приветливо улыбался. В зеленом халате, с бейджиком продавца на нем и карандашом за ухом. Он показался ей значительно выше, чем тогда у автобуса. Темные волосы зачесаны наверх, широкий шрам на лбу. Он нервно трогал рукой правое ухо и выглядел смущенным, хотя, казалось бы, чего смущаться, ведь это он с ней заговорил. Она улыбнулась:

– Вечером я успела только на Малое, но утром была и на Малом, и на Большом. А на мосту я просто утонула в тумане.

– Я ездил туда на прошлой неделе. Было точно так же.

Так она познакомилась с Анджеем. Он изучал телекоммуникации в политехническом институте. Как и она, он приехал из Щитно, знал наизусть самые нежные стихи Посвятовской¹, разбирался только в компьютерах и был «красивый до ломоты в бедрах», как сказала Магда. Когда она впервые привела его в общежитие, Магда бессовестно клеилась к нему, а как только за ним закрылась дверь, она проговорила, стора от возбуждения:

– Слушай, когда я на него смотрела, у меня стринги сзади наперед перекрутились и я вся мокрая сделалась. Где ты его нашла?!

Потом подошла к окну и, глядя на Анджея, идущего к автобусной остановке, вдруг серьезно спросила:

– Хочешь, MARTINA, он будет твой?

Тогда MARTINA еще не знала, хочет или нет. Не знала она и в тот вечер, когда он вернулся и целовал ее шею. Впрочем, нет, ей хотелось иметь его, но только на минутку. Чтобы снял с нее свитер, и коснулся ее спины губами, и хотя бы раз провел руками по груди. Но чтобы, уходя домой, сразу об этом забыл. Но он не забыл бы этого никогда и потому не снимал с нее свитер. А ей так сильно хотелось, чтобы он сделал это. И это желание родилось главным образом из восхищения им. «Идиотизм, – думала она, – можно ли кого-нибудь желать на минутку и при этом лишь из восхищения?»

Она встала с дивана, подошла к столу, заставленному пепельницами, стаканами с недопитым чаем и бокалами из-под вина. Она наклонилась, пытаясь найти бутылку, в которой хоть что-то осталось. Пиво, вино. Все равно. Ей был нужен этанол. Она включила компьютер и модем. Ей хотелось говорить. Все равно с кем. Это всегда помогало. Даже если это был разговор с самой собой. Когда-то она вела дневник. В голубых тетрадах, вставляла их в обложки с надписью «Физика» и прятала в кровати под матрасом. Полная бессмыслица. Никто ведь не держит «Физику» в кровати. Но это было давно. Тогда было так... так спокойно. Так чудесно спокойно, даже когда она, смущенная, заставляла родителей на кухне, когда они целовались, думая, что она уже давно спит. Теперь их вместе на эту кухню не заманишь.

А началось все с того, что как-то раз Магда подозвала ее к компьютеру и взволнованно стала читать вслух опубликованный в интернете дневник какой-то алкоголички, детально изо дня в день описывавшей свою борьбу с зависимостью. Так MARTINA узнала, что такое блог. Две недели спустя она открыла свой. Тетради из-под матраса были выставлены на обозрение всей электронной деревни. Зачем ждать, пока кто-то в конце концов найдет (на что на самом деле надеется каждая маленькая девочка) этот дневник, если его можно самому подбросить в мир.

Сегодня, после шумного вечера, после вина, горячего дыхания Анджея на шее и его неожиданного ухода, она почувствовала себя одинокой, брошенной. Блог помогал. Особенно когда рядом не было Магды. На блог можно было выбросить все свои душевные терзания, мысли и сомнения, исповедаться, придумать себе наказание за прегрешения и никому не давать обещаний исправиться, немного пооправдываться, немного пожаловаться, но прежде всего убедиться в главном: неправда, что она с Луны, а все остальные – с Юпитера.

Она начала писать.

12.10.2002

Невзаимность

У меня такое впечатление, как будто я захопываю дверь перед носом у человека, тащившего сумки с моими покупками, которого я сама пригласила пройти со мной по магазинам. Он был стоически терпелив, когда надо, давал советы, когда надо, помалкивал, ждал перед примерочными, отстаивал со мной очередь в кассу во всех

¹ Халина Посвятовская (1935–1967) – польская лирическая поэтесса. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

супермаркетах, внимательно рассматривал со мной все книги в книжных магазинах, потом нес тяжелые сумки, а когда мы подходили к двери моей квартиры, я забирала эти сумки и захлопывала дверь у него перед носом. Я больше в нем не нуждалась. И даже не благодарила, в основном из-за страха, что эту благодарность можно принять за благосклонность, дающую надежду на будущие походы по магазинам. Вот так я чувствую себя теперь. Вредная, противная. Сплошной эгоизм и лицемерие. И при всем при том знаю, что он вложил в эти сумки свое сердце и теперь без него едет в автобусе домой. Но уже завтра у него будет новое сердце, чтобы снова отдать его мне. Сердце, где он прятал бы надежду на то, что когда-нибудь после шопинга я приглашу его к себе.

Взаимная невзаимность

Не могу справиться с ней. С этой невзаимностью. Наверное, потому, что подаю надежду, приглашая его пройтись по магазинам. Впрочем, это как раз честно. Взаимность налицо. Потому что я тоже питаю надежду. На то, что когда-нибудь полюблю его. Возжелаю его. Возмечтаю о нем. Что в один прекрасный день, стоя в примерочной, захочу, чтобы он вошел туда со мной и сказал мне, хорош ли этот лифчик, такой ли он хотел бы с меня снять. Что я перестану плакать от этой грешной, тоже невзаимной влюбленности в мужчину, который дарит мне иногда в спешке пять минут, ходит по магазинам с другой женщиной и тоже манит меня надеждой.

Сцены из жизни на съемной квартире

Магда, кличка Мадам, подруга, с которой мы вместе снимаем квартиру, в ужасе. Недавно сказала мне, что многие в заведении (так Магда называет университет) считают, что у нас «бесплатный центр помощи для людей с задержкой речи» и что это на самом деле лучше, чем когда тебя принимают за сотрудника агентства знакомств, но все равно она разочарована, потому что думала, что мужики приходят к нам, чтобы «поглазеть, возбудиться и пережить что-то химическое», тогда как они на самом деле приходят на консультации и к тому же пьют наше вино.

Конечно, Магда преувеличивает, но что-то в этом есть. Я учусь на английской филологии. Магда – на романской, а Тео, испанец, живущий двумя этажами ниже, если он только не у своей Ани, которую любит с тех пор, как увидел на пляже в Лорет-де-Мар, уходит от нас лишь после вопроса, а не пора ли ему уходить, а Магда, подмигивая и провокационно высунув язык, облизывает губы и произносит традиционную формулу по испанской свадебной церемонии: «Si, quiero», что означает «Да, я согласна».

Тео смеется и уходит. Тео – пример мужчины, без колебаний расставшегося со своим буржуазным благополучием, которое было ему обеспечено как сыну богатого мадридского издателя, и приехавшего в Польшу за любовью всей своей жизни. Он стал работать за гроши в частной школе иностранных языков, поселился на съемной квартире и учит польский, чтобы в будущем рассказывать своим детям сказки

по-польски. И у Магды, и у меня испанский второй язык, и мы часто переводим Тео наши беседы с гостями. Когда нам не хватает испанского, мы переходим с Тео на английский. Кроме того, Магда изощренно кокетничает с новыми гостями, отвечая на телефонные звонки по-французски, даже на звонки дедушки, который платит за наши две комнаты в мансарде и плохо слышит даже по-польски, не говоря уже о том, чтобы что-то там понимать по-французски. Кроме того, на самый обычный вопрос о ее специализации она отвечает, что «очень любит по-французски», что можно понять и как романистику. Особенно, добавляет она, это помогает в баре отеля «Меркюр», где, чтобы иметь возможность вносить свою часть платы за проживание и не опуститься на дно, она работает барменшей и где у нее на самом деле проходят «самые главные в жизни лекции и практические занятия иногда тоже».

Мужчины

Недавно мы разговаривали с Магдой о Тео. Для меня он – явление. Столько в нем решимости, чтобы так без остатка отдаться чувству. Он верен себе, он романтичный, нежный, добрый, и этим своим отношением к любви как к святыне и самому важному в жизни напоминает мне героев Ремарка. Магда считает, что Тео просто нон-стоп под градусом, на какой-то химии, и что все это из-за светлых волос Ани, из-за ее больших и тяжелых грудей, и что это у него пройдет быстрее, чем кончится срок действия загранпаспорта. Сейчас они припаялись друг к другу обручальными кольцами, а когда кончится у них эта химия, пойдут искать ножовку.

Не знаю, откуда в Магде этот цинизм. Она не верит в любовь. Даже в любовь к Богу. Она считает, что религиозные люди – это те, кто не может смириться с неизбежностью ухода из этого мира, кто боится наказания за грехи. Вот они и прикидываются возлюбившими тот Высший суд, что ждет их после смерти. Я с ней на эти темы спорю постоянно. И безуспешно. Она считает, что нет таких мужчин, ради которых она захотела бы сменить макияж, а тем более страну. И что Тео – это наширившийся любовью симпатичный инопланетянин, совершенно выпавший из нашего времени, идеальный аналог не только семейных препаратов типа wash'n'go, но и типично мужских препаратов типа fuck'n'go. Она знает об этом как от «домохозяек при деньгах» из своего бара, так и от «умников без денег» из университетского паба. А сама она просто приспособливается к миру. И к препаратам тоже. Но это не настоящая Магда. Когда она не поддает, она впечатлительная и словно губка впитывает в себя все горести этого мира, склоняясь над каждой облезлой кошкой. В ней абсолютно нет цинизма, а если она и укрывается в нем, то пользуется им, как Диоген своей бочкой.

Потом мы сошлись на том, что в мужиках нас заводит главным образом ум, потому что только умный мужик может быть интересным, даже когда он потолстеет и облысеет. Хуже всего, когда у него пресс рельефнее, чем мозг. Тогда он даже хуже девиц, которые появляются в студенческих клубах, чтобы показать новую бижутерию в пупке и загар из солярия. Они достаточно умны, чтобы не прикидываться, что у них другие интересы. Кроме того, мужчина должен быть слегка сентимен-

тален. Так, чтобы захотелось вместе с ним поплакать в темном кинозале. Или, допустим, перечислить все увиденные на прогулке цветы, или купить шоколадных зайчиков к Пасхе. Или послушать Моцарта.

Пока я это говорила, Магда потихоньку выползала из своей бочки, все время кивая, а в конце сказала:

– Знаешь что, Мартина, сходи-ка ты как-нибудь в этом своем Щитно на озеро, поймай золотую рыбку. И тогда убедишься, что даже она не даст тебе такого мужика.

Войдет ли когда-нибудь польский деканат в объединенную Европу?

Если прав Реймонт², написавший, что сила человека измеряется количеством его недругов, то дамы из деканата – это сверхдержава. Мой отец считает, будто я не знаю, что говорю, поскольку еще не бывала в налоговой инспекции.

Вчера я была на территории сверхдержавы. Прибыла без визы, то есть как раз тогда, когда дамы из деканата пили утренний кофе и границы сверхдержавы, по идее, закрыты. Я пришла, потому что получила грант на трехмесячную стажировку на филологическом факультете Университета Кент в Кентербери в Англии в качестве поощрения за эссе о творчестве Оскара Уайльда, которое я написала на конкурс, организованный Британским советом. Сам декан поздравил меня и ректор тоже, а Магда рассказывала об этом как о самом важном культурном событии в Польше со времени Нобелевской премии Шимборской³. Только дамы из деканата ничего об этом не знали. Да и нужно мне было всего лишь пустяковое формальное подтверждение того, что университет согласен на мой выезд. Оно должно было быть написано по-английски и заверено всеми необходимыми печатями. Сначала, пока я пятнадцать минут стояла за деревянным барьером, я узнала о самых важных событиях, происходящих в трех польских телесериалах. Потом дамы плавно перешли на реалити-шоу. Я узнала, что в баре Эвелина выражалась как уличная девка, что по-настоящему красивая там только некая Доброслава и что «они своих дочерей никогда, и вообще». Когда они перешли к обсуждению длины юбки новой секретарши ректора, я дала знать о своем присутствии покашливанием. Ничего не изменилось. Я была для них даже не воздухом. Самое большее – вакуумом, причем без визы. Меня спас декан, который неожиданно вышел из своего кабинета. Увидев меня, улыбнулся и воскликнул:

– О, наша писательница! – И пошел по своим делам.

Дамы как по команде обернулись ко мне, а одна даже почувствовала себя обязанной спросить меня, чего я хочу. Я хотела слишком многого. Мне велели написать заявление на имя декана, принести свидетельство из Британского совета и характеристику от куратора курса, перевести согласие на выезд на английский и прийти во вторник или в четверг, но не в следующий четверг, потому что у них тогда

² Владислав Реймонт (1867–1925) – польский писатель, автор реалистических новелл, повестей, романов; лауреат Нобелевской премии (1924).

³ Вислава Шимборская (р. 1923) – польская поэтесса, лауреат Нобелевской премии (1996).

защита кандидатской. После чего спокойно вернулись к разговору о юбке секретарши. Я снова стала вакуумом.

Она выключила компьютер. Ей ничуть не стало лучше. Взяла стакан вина, включила Грехуту⁴, села на диван и, завернувшись в одеяло, облокотилась на подушки. Она думала об Анджее.

Они договорились с половиной студентов из своей группы вечером готовиться к семинару у Бон Джови. Так они называли молодого американца, который читал им лекции по американской литературе. На кафедре английской филологии работали несколько таких одержимых странников, которые распрощались со своей налаженной жизнью в Штатах, в Австралии, в Соединенном Королевстве или в Ирландии и приехали в Польшу, чтобы «принять участие в новом оригинальном проекте своей жизни», как они это называли. Жили на съемных квартирах, ели в столовых, спали с польскими женщинами и проникались польской ментальностью. Бон Джови не производил впечатления осведомленного об этом проекте. Возможно, он даже не вполне осознавал, что он в Польше. Кто-то из группы как-то сказал, что Джови, в сущности, по барабану, где он живет. Важно одно: чтобы там была библиотека. Со своим мальчишеским чубом он выглядел лучше настоящего Бон Джови, он и на гитаре играл, и казалось, даже разбуди его ночью, начнет рассуждать об аналогиях между прозой Фолкнера и философией Юнга. Заинтересованная рассказами о нем, Магда как-то пришла на одну из его лекций, которая, в сущности, была беседой с аудиторией. Сидела молча, а после лекции, когда они ехали домой в автобусе, сказала со сладострастным смешком:

– Знаешь, Мартина, чего мне хочется? Высосать его мозг. В смысле и мозг тоже.

Семинар у Джови был чем-то вроде сражения, поэтому вечером к ней пришли все без исключения. Магда ушла на всю ночь, оставив комнату в распоряжении Мартины.

Анджей в тот вечер зашел случайно. С тех пор как футуристический фиолетовый агрегат из магазина, в котором он подрабатывал продавцом, оказался «самым сексуальным компьютером со времени изобретения счетов», Анджей взял шефство над ним и регулярно приходил что-то устанавливать. Благодаря ему iMac Мартины имел лучшее в городе программное обеспечение. Ее совершенно не интересовало, что он там делает. Ей было достаточно, когда он после всех манипуляций приглашал ее к компьютеру и возбужденно рассказывал, где надо кликнуть, что открыть и какие программы можно запустить в фоновом режиме.

В тот вечер он, как обычно, что-то актуализировал в соседней комнате, в то время как они готовили реферат на тему «Эволюция понятия души в американской литературе». Иногда он проходил через их комнату, чтобы что-то достать из рюкзака, оставленного им в прихожей. Она не могла не заметить, как на него смотрели подруги из группы, как по команде поправлявшие волосы, когда он проходил мимо. Они пили вино, шутили. Но и работали. Помещение в клубах табачного дыма и пламя свечей – именно так она представляла себе университет. О таком рассказывал ей отец.

Но настал момент, когда они, что называется, уперлись в стену. Никто не смог процитировать ничего на тему души из современной американской литературы. Они знали, что Джови им этого не спустит. В этот момент из соседней комнаты раздался голос Анджея:

– Гилд, Джон Гилд. Этот монах с двумя детьми и кандидатской по музыковедению. Он писал об интимности как о встрече душ, а разговор считал их сексуальным актом. Ему столько же лет, сколько отцу Мартины.

Воцарилась тишина. Все посмотрели на нее.

– Анджей, поди-ка сюда на минутку! – позвала она. – Выпьешь? – Она встала и подала ему бокал вина. – Расскажешь нам что-нибудь про него?

⁴ Марек Грехута (1946–2006) – польский бард, поэт, композитор.

Он стоял, опершись о косяк двери, смутившийся, словно маленький мальчик, которого застали подслушивающим разговоры взрослых.

– Двенадцать лет он был католическим монахом. Написал трактат о душе. О том, что она привязывается к людям и к событиям, что она словно виноград, превращающийся в вино, что Меркурий, патрон корреспонденции, заботится, чтобы слова доходили до ее самых потаенных закоулков. И что душу нельзя рассматривать с точки зрения инженера.

После этого Анджей отошел к компьютеру. Через минуту вернулся и, подавая несколько листов бумаги, сказал:

– Это я скачал из Сети. Может пригодиться...

И тогда она испытала тот восторг, ради которого могла бы позволить ему сегодня снять с нее лифчик, конечно, при условии, что за дверью он сразу забудет об этом. Хотя вряд ли он смог бы забыть.

В течение двух лет он был рядом, но никогда не был близок. Магде это было непонятно. «Слушай, – говорила она, – у этого типа есть все необходимые компоненты. Съешь с ним вечером спагетти, а утром почисти зубы у одного умывальника, и ты увидишь, что это он. Он так нежно дотрагивается до твоего компьютера, как будто прикасается к тебе. Я сама видела. Он тебя обожествляет, хотя вы из одной деревни». И когда она впала в это свое томное настроение после вина, она нашла в себе силы встать с постели, прийти к ней в комнату и сказать: «Всегда таким, вроде тебя, глупым как бревно, в руки плывет первосортный товар». Вот какая была эта Магда. Как говорил о ней Анджей: «Чувственность с голым животом сразу за огненной стеной». Недоступная и опасная. Она могла на неделю уехать с каким-то мужиком в горы и слать ей смски вроде этой: «Слушай, у него алгоритм в мозгу, Лесьмян⁵ в душе и Коэн в сердце. И та-а-акой пенис». После каждого такого возвращения примерно через месяц она говорила, что он «обрезал ей крылья, усыпил бабочек и разбил сердце»; плакала, не отвечала на телефонные звонки. Потом внезапно вставала и снова начинала «ловить карпа», или *carpe diem*⁶. Мартина была ее абсолютной противоположностью. Только раз ей разбили сердце, бабочек она сохранила.

Когда она с ним познакомилась, ему было тридцать девять. Она знает это точно, потому что сама вносила в базу данные из его регистрационной карточки. У него были тридцатилетняя жена и пятилетняя дочка Моника. Она вводила в компьютер и их карточки тоже. Он приехал из Гданьска читать лекции в летней школе филологов в Торунь. Она там тоже была. Их студенческое научное общество было одним из организаторов. Платили неплохо, и можно было еще послушать лучших лингвистов Польши. Жила она в общежитии на территории студгородка, недалеко от ректората. Для того чтобы поверить в стечение обстоятельств, в Торунь сложилась идеальная ситуация. Для нее это была чередой случайностей, он же и сейчас все объясняет иначе. Регистрируясь, он по рассеянности забыл очки. Она поискала его, но он растворился в толпе гостей. Повесила листок на доске объявлений, но он не обратился до конца рабочего дня, и она взяла очки в общежитие. Незадолго до полуночи кто-то постучал в дверь. Она как раз принимала душ. Когда она вышла, завернувшись в небольшое полотенце, с мокрой головой, он сидел в кресле. Она замерла на мгновение.

– Тысяча извинений! – вскочил он. – Я не могу читать, а завтра у меня лекция. Простите, я не должен был входить. Я подумал, что вы вышли...

Полуобнаженная, она стояла, прислонившись к двери. Он наклонил голову, стараясь не смотреть.

– Я все равно без очков не вижу вас... Простите.

⁵ Болеслав Лесьмян (1878–1937) – польский поэт-символист.

⁶ *Carpe diem* (лат.) – пользуйся днем, лови мгновение.

Он был такой беспомощный. Даже трогательный. Она не чувствовала стыда. Впрочем, она его до сих пор при нем не чувствует.

– Подождите. Сейчас дам вам.

Он рассмеялся. Так искренне, как только он умеет.

– Ну да... Чтобы лучше видел.

Она наклонилась к сумке, что была под столом, рядом с которым он только что сидел. Полотенце упало на пол. Совершенно обнаженная, она наклонилась, чтобы достать эти очки из сумки. Он тоже наклонился. Поднял полотенце с пола. Не стал даже пытаться прикрыть ее. Набросил его себе на голову. Она стояла рядом и смеялась, сраженная комизмом ситуации.

Поймала его руку и всучила ему эти очки. Из комнаты он выходил ошупью, с полотенцем на голове. Когда оказался за дверью, постучался, просунул руку и протянул ей полотенце.

С этого вечера он был везде. И всегда нарушал какие-нибудь границы.

На следующий день со своей однокурсницей Кариной она готовила зал для лекции, открывающей занятия школы. Впервые в жизни она проклинала солнце и ясную погоду. Для этой лекции предназначался зал, где, в общем-то, были жалюзи, но организаторы не удосужились проверить, удастся ли с их помощью затемнить помещение. А должно было быть темно, потому что лектор пользовался проектором, и обязательным условием в заявке на лекцию был соответствующим образом оборудованный зал. Жалюзи, которые не использовались, наверное, годами, было невозможно опустить. Сначала Карина принесла растительного масла из столовки. Думала, что, если им смазать заржавевшие механизмы, жалюзи подадутся. Ничего не вышло. Потом девушки стали стучать по ним чугунной подставкой микрофонного штатива, потому что это был единственный тяжелый предмет в зале. Потом доведенная до отчаяния MARTINA взобралась на подоконник и буквально повисла на рейке жалюзи, считая, что собственным весом потянет их вниз. То, что произошло затем, до сих пор напоминает ей сцену из трюкового фильма. Если бы не возможное развитие сценария, она посмеялась бы сама над собой. Рейка, на которой она висела, треснула и стала медленно отделяться от остального механизма, а ее ноги соскользнули с высокого подоконника. Карина истерически взвизгнула, и в этот момент MARTINA почувствовала, что чья-то рука крепко схватила ее за ягодицы, а уже через мгновение обнимала ее за талию. Юбка задралась, крючки поотрывались, юбка сползла и упала на пол у батареи.

– Немедленно отпустите рейку, – услышала она его голос.

Отпустила. Он поставил ее на пол. Она отвернулась, он отошел и встал рядом с Кариной. Опираясь о подоконник, MARTINA стояла перед ними в своих черных ажурных трусиках и белой блузочке, мгновение назад лишенной пуговиц и распахнутой. Карина закрыла рот обеими руками и в ужасе смотрела на нее. Он стоял и бросал на нее насмешливые взгляды, а когда она нагнулась за юбкой, заметил:

– Сегодня на вас хотя бы трусики.

Он оказался тем самым докладчиком, из-за которого Карина ударила себя чугунной подставкой по ноге, а она забралась под потолок и чуть не упала. Он пришел проверить перед лекцией, как выглядит зал, увидел ее висящей на рейке и бросился спасать.

Лекция прошла в другом зале. Он позвонил ректору и потребовал перенести. Они вместе с Кариной слушали его лекцию. Она была в платье, подруга – в кроссовках. Переодеваясь перед лекцией, она почувствовала, что очень хочет понравиться ему. Она не брала в Торунь много вещей, тем не менее, переодеваясь, долго выбирала, что надеть. Когда она гладила короткую черную юбку, вспомнила, что всегда в таких случаях говорила Магда: «Если ты несколько раз ныряешь в шкаф ради мужика, то на самом деле ты хочешь, чтобы он снял с тебя трусики. Вот на них ты и должна сделать акцент, а на остальное забить». MARTINA тогда подумала, хихикая, что как раз в его случае, приняв во внимание, при каких обстоятельствах она с ним постоянно сталкивается, Магда абсолютно права в том, что касается трусиков.

Мартина встала перед зеркалом, слегка брызнула себя за ушком духами. Черное платье с несимметричным верхом, приоткрывающим бретельку лифчика. Черные чулки с ажурной резинкой. Шпильки. И еще новые солнечные очки, которые отец привез ей недавно из Рима; она передвинула их с глаз на волосы, открыв лоб. Она знала, что ей так лучше. Когда она открывала лоб, Анджей не мог оторвать от нее взгляда. Кроме того, она считала, что солнечные очки на волосах даже в задымленном темном клубе придают облику загадочность. Губы покрыла малиновым блеском. Впервые в жизни она шла на лекцию на шпильках.

Из-за этих самых шпилек не могла идти быстро. Когда она подошла к аудитории, в которую перенесли лекцию, какой-то толстый профессор на жутком английском заканчивал приветственную речь. В зале было много народу. Она взглядом поискала Карину. Та сидела в первом ряду, а когда ее увидела, встала и помахала рукой. Толстяк кончил, переждал краткие вялые аплодисменты и сразу пригласил к кафедре «церемониймейстера», как он назвал его.

Он взошел на подиум и встал рядом с толстяком, который стал читать по бумажке его биографию. Доктор наук, выпускник Варшавского университета и UCLA (Калифорнийского университета, Лос-Анджелес), автор восьми книг по проблемам семантики языка, поэт, член редколлегии издаваемого в Ирландии известного литературного журнала, заядлый яхтсмен. Ее шпильки громко стучали по отполированным ступеням лестницы. Краем глаза она видела обращенные в ее сторону взгляды. Пока она добралась до места рядом с Кариной, стала красной от смущения. И тогда произошло нечто из ряда вон выходящее: он сошел с кафедры и, склонившись к ее уху, прошептал:

– У вас все в порядке? Вы ничего не повредили, когда падали с окна?

– Нет! Ничего! Простите. Я не хотела вам мешать.

– Вы мне вовсе не мешаете. Я рад, что вы пришли.

Он выпрямился и спокойно вернулся на кафедру. Толстяк не смог скрыть изумления. Она внимательно огляделась, чтобы увидеть, где сидит его жена. Ее не было. В этот момент Карина наклонилась к ней и шепнула:

– Марти, ты вскружила ему голову. Ты чувствуешь, как он пахнет?!

Она ничего не чувствовала. Кроме трепета, взглядов всех присутствующих на своей спине и возбуждения, смешанного с восторгом. Она твердо знала: только что произошло что-то очень важное. Она слышала его голос, но сосредоточиться на том, что он говорит, смогла только через четверть часа.

Редкая лекция бывала такой... непредсказуемой, полной удивительных перекрученных фабул. И это о семантике! Возможно, чем-то она напоминала некоторые лекции Джови. Но если последние она могла бы сравнить с интеллектуальными клипами, аналогичными клипам MTV, то его лекция, скорее, была похожа на концерт. До сих пор ей казалось, что нет ничего более скучного, чем семантика, которую в ее учебном заведении вела вечно обиженная пани профессор из Кракова, усыпляющая слушателей своим монотонным голосом, не говоря уже о том, что она рассказывала, а вернее, читала с заляпанных и замызганных от многолетнего употребления исписанных от руки листочков. Даже если это было ее субъективным мнением (после того, что произошло, иначе и быть не могло), то казалось, что о семантике языка он рассказывал то как о поэзии, то как о детективном романе. А Карину занимало совсем другое. Она наклонилась к ней и шепнула:

– Слышишь? Голос у него как у Джо Кокера. Видела? Обручальное кольцо.

Немного спустя еще раз наклонилась и добавила:

– Хотя, может, это и печатка...

Но это было обручальное кольцо. Уж она-то знала точно. Заметила его, когда он подписывал регистрационную карточку вчера, сразу по приезде. С той только разницей, что вчера ей это было абсолютно безразлично. Сегодня, сейчас, в этом темном зале, когда она смотрела на

него во время лекции, она обеспокоенно констатировала, что уже нет. Что теперь это важно. Ей вдруг показалось, что так думать – грех, но она чувствовала себя околдованной.

* * *

[*Мариции Маковский, с. 44–50*]

Она знала: что-то должно случиться. Уже тогда, в ее комнате, когда встретились их взгляды и она более или менее сознательно позволила полотенцу упасть на пол, она уже знала. Он тоже знал. Это его обручальное кольцо было упреком и одновременно греховным, извращенным раздражителем. Она чувствовала, что делает что-то плохое, что-то такое, чего никто от нее не ожидал, и... ей это нравилось. Он никогда его не снимал, никогда о нем не вспоминал, но оно было всегда, как замок на двери, ведущей в тот мир, в который ей никогда не будет доступа. Иногда она забывала о кольце. Вытесняла его из сознания в те часы, которые они проводили вместе в гостинице в Торуни, когда они просыпались вместе среди ночи. Смотрели на город, на голубей, спящих на карнизе. Весь мир принадлежал ей, вся эта красота, его дыхание у нее на шее. Она принимала эти минуты как подарок судьбы. На свете были только они, и ничего вокруг. Иногда ночью они ходили на Вислу. Она жила в Торуни три месяца, пока работала школа, и каждую неделю открывала для себя какое-нибудь дивное место, которое наносила на карту, висевшую на стене в общежитии. Все эти места она показала ему, а потом они вместе открывали новые. На уик-энды он возвращался в Гданьск. К той, к своей. Она знала, как ее зовут, знала, как зовут его дочку. Во время очередного такого уик-энда, в конце сентября, когда он был в Гданьске, она поехала к Магде. У Магды не было каникул. Она работала в этом своем баре, где брала «уроки жизни». Тогда она плакала в подушку на постели Магды.

– Чего ревешь, кретинка! Глупая, что ли? Как все блондинки, ты считаешь, что он все бросит ради тебя и будет твой? Он играет тобой, черт бы его побрал, ему ведь тридцать девять. Ты думаешь, что если он знает, о чем мечтают двадцатидвухлетние девушки, так уж он сразу такой исключительный?

– Я люблю его! – кричала она сквозь слезы.

– А он тебя? – Вопрос повис в пронзительной тишине комнаты.

Она никогда над этим не задумывалась, но подсознательно, видимо, решила, что это очевидно. Так же как с первого дня стала очевидной интимность в отношениях с ним. Просто в один прекрасный вечер через несколько недель после той памятной лекции он пришел к ней в общежитие, постучался, вошел в комнату и, не говоря ни слова, стал целовать ее. Ей не нужны были никакие объяснения, она не могла, а прежде всего – не хотела думать о будущем. В расчет принимались только мгновения, которые они могли провести вместе. Его чудесные прикосновения, находившие и открывавшие в ней источники наслаждения, о существовании которых она даже не догадывалась. Она забылась в сексе с ним. Совершенно. Она была такой, какой всегда хотела быть. И не была обязана ничего объяснять. Он и так все знал. Она то кричала, больно царапая его, а то снова льнула к нему и дарила нежнейшими ласками. Он никогда не засыпал раньше ее, ночи напролет они проводили в разговорах. В сущности, это он научил ее шепоту. Он раскрывал перед ней свои самые сокровенные мысли и желания. И страхи. Для него она была единственной на земле женщиной. Она полностью доверилась ему, отдалась ему целиком, не оставив места ни для чего другого. Каждое слово он произносил в самый удачный момент. Спустя неделю после знакомства он подарил ей альбом с репродукциями картин Тадеуша Маковского⁷. Откуда он мог знать, что она любит живопись, а картины Маковского для нее что-то вроде возвращения в детство?

⁷ Тадеуш Юзеф Маковский (1882–1932) – выдающийся польский художник XX века, рисовал детей, пейзажи, натюрморты, бытовые сцены.

– Я знал, что тебе понравится. В тебе есть детское любопытство и милая впечатлительность.

Она чувствовала, что с ним она может даже не говорить. Он все и так знал. Она никогда не думала, что встретит кого-нибудь, кто будет понимать ее так хорошо. И снова поддавалась очарованию. Как и каждый день там, в Торунь.

А потом он растоптал ее душу.

В пятницу Магда поехала домой, а Томаш на весь уик-энд приехал специально к ней. В их полном распоряжении было целых три дня. Мартина решила, что приготовит ужин. Такая вот деталь повседневного быта. Они вместе покоряли громадные пространства гипермаркетов, оба придирались к каждому пучку петрушки на прилавке и смеялись до слез.

Он выглядел комично с множеством сумок, но, как самый настоящий джентльмен, не позволил ей взять даже самый маленький пакет. Они вошли в комнату. Томаш с облегчением поставил пакеты на пол. И крепко прижал ее к себе.

– Спасибо, что разрешаешь мне вносить покупки в дом, – шепнул он ей на ухо.

Она замерла.

– Почему ты так сказал? – Она отпрянула, чтобы посмотреть ему в глаза.

– Что сказал?

– Ну, о покупках.

– Ты ведь сама говорила, что Анджею не позволяешь войти в комнату с сумками.

– Я никогда не говорила тебе об Анджее.

Ей показалось, что мир рушится. Она поняла все. Его глаза говорили ей, что она права.

– Ты читаешь мой блог, а потом делаешь вид, что прекрасно меня знаешь и понимаешь?! Что читаешь мои мысли? Лжец! Зачем? Чтобы произвести впечатление на наивную малолетку, чтобы стать чем-то исключительным, чтобы затащить ее в постель и рассказывать об этом друзьям под водку?

– Это не так, Марти, совсем не так... – Он попытался обнять ее.

Она резко вырвалась:

– Уходи. Пожалуйста, уходи! Ничего не говори... Уходи!

Он вышел без лишних слов. И не вернулся. Как он посмел не вернуться?!

В ее голове больше не осталось мыслей. Там были только слезы. Ей вспомнилось, как в чате какой-то парень хотел доказать ей, что, хоть он и не красавчик, но сумеет соблазнить любую женщину. «Просто я их слушаю и говорю им то, что они хотят слышать», – написал он. Тогда она страшно возмутилась. А ведь сама точно такая. Она хотела, чтобы мужчина слушал ее, чтобы понимал ее без слов... Чтобы говорил только то, что она хочет услышать. Идиотка. Слова – вот самая большая ложь, на которую мужики ловят нас. Ты думала, что встретишься с ангелом, потому что он говорит тебе все эти безумно важные слова? Глупая. Ангелы ничего не говорят, они просто существуют и не притворяются, что знают тебя. В этом нет необходимости. Они появляются, когда ты в них нуждаешься, и не ездят к жене и ребенку. Ангелы существуют только для тебя. Как Анджей.

Он все время был, ничего не просил, никем не прикидывался. Любил ее и никогда не намекал на то, как страдает из-за ее равнодушия...

Она вывалила на постель все содержимое сумки. Нашла записную книжку. Дрожа, набрала номер Анджее. Автоответчик сообщил радостным женским голосом:

– Привет. Вы позвонили Оле и Анджее. Существуют две возможности: либо нас нет дома, либо у нас сейчас нет желания ни с кем разговаривать. Оставьте сообщение, мы перезвоним.

* * *

Прошло несколько месяцев с того вечера, и если бы сегодня ее спросили, что чаще всего она тогда чувствовала, она ответила бы: отверженность. Парадоксально, но больше остальных, казалось ей, ее отвергал Анджей. Тот самый Анджей, которому она сама регулярно, по нескольку раз в неделю, давала от ворот поворот. И несмотря на это, он все время должен был быть при ней, учить для нее новые стихи, заниматься ее компьютером, замечать новые туфли или новый лак, покупать для нее книги, напоминать, чтобы она позвонила отцу, и целовать ее в шею, но только в случае, если перед этим вызовет в ней восхищение. А потом сразу забыть, что она позволила ему сделать это. Он должен был ждать.

Переживать вместе с ней эту ее зачарованность Торуню, покорно терпеть то, что она, ни слова не сказав, исчезает на весь уик-энд, а вернувшись, молчит полнедели, срываясь как ошалелая при каждом звонке телефона.

Он устал ждать.

Она даже не заметила, как он вышел из игры. В молчании постепенно гасло его присутствие. Как догорающая свеча. А поскольку ей в жизни светил мощный прожектор из Гданьска, свечи она и не заметила.

Магда только раз прокомментировала то, что Анджей уходил из ее жизни:

– Мартина, послушай, ты не должна относиться к мужику как к номеру в списке очередников на пересадку почек. Пусть он ждет, но не отключай ему диализатор. Может, он был и не совсем здоров, но ты перепутала органы. Он ждал в очереди по пересадке сердца. Твоего. К тому же, кроме сердца, у него есть и простата.

Она скучала. Совсем не по близости или сексу. Этого в ее жизни, если не считать месяца в Торуни, и раньше было мало. Скорее, по таинству пребывания вместе. По разговорам, взглядам, по нежным прикосновениям и тем моментам, когда в общении, в машине, на паркинге или во время прогулки по лесу они вдруг замолкали и начинали целоваться и обниматься. По напряжению, сопровождавшему такие минуты, она скучала больше всего. И меньше по тому, что происходило после.

В течение нескольких недель она верила, что все вернется. Он позвонит, она уступит его просьбам простить его. И все будет как прежде. Она продумала этот разговор в деталях, оставив на потом лишь решение, когда расплакаться – до того, как он дойдет до просьб простить его, или после.

Но он не звонил. Она постоянно срывалась к телефону, а Магда постоянно повторяла ей, что даже собака Павлова перестанет выделять слюну, если после нескольких десятков звонков не получит миски с кормом. «Отруби ты себе этот хвост, Мартина!»

Она вернулась к дневнику. Блог остался разговором с миром, но никак не о нем. О нем она писала для себя. «Всегда, когда телефон не звонит, я знаю, что это ты...»

Она ездила в Щитно. Каждую пятницу. Отец ни о чем не спрашивал. Варил грибной суп, стелил для нее постель под окном, и они разговаривали. Утром она брала Тони и шла с ним на озеро. Через три недели он сказал ей, что не будет работать в уик-энды и что Тони ждет каждой пятницы, «как алкоголик чекушки». Во время какого-то очередного приезда отец положил рядом с ее прибором на обеденном столе подарок. Новый мобильник. С новым номером, который он неумело написал фломастером на картонке, прикрепленной скотчем к цветной бумаге. В воскресенье вечером, перед отъездом, она подошла к кровати под окном, достала из сумки свой старый телефон, отключила его и запихнула под подушку.

Четверг: написать реферат

У меня на курсе есть приятель, счастливый уже тем, что родился. Ничем больше он не отличается. Невысокий, толстоватый, всегда, и зимой и летом, в огромных коричневых ботинках, он носит очки и, как говорит Магда, «сексуальности в нем меньше, чем в вешалке в прихожей». Его зовут Ремигиуш. Иногда он забегают к нам, главным образом затем, чтобы принести мне конспекты лекций. В последние месяцы он стал просто невыносим. Я не могла понять его жизненной философии. Каждый раз, как мы встречались, он казался мне клоуном на похоронах. Он доводил меня до бешенства этой своей жизнерадостностью. Он был раздражающим диссонансом. Как анорексичка, приехавшая в санаторий для людей «в теле». Я просыпалась в печали, засыпала в печали и хотела пребывать в печали. Такой вот был период. А он был апофеозом неуместной радости. Словно розовая гвоздика в петлице костюма покойника. Ко всему прочему, нам предстояло вместе писать реферат о прозе Хемингуэя. Я хотела писать о Набокове, но опоздала на занятия, и остались только Хемингуэй и Ремек в качестве соавтора.

Нет более грустного типа, чем Хемингуэй. Если бы не бар Джози Рассела на Дюваль-стрит, главной улице Ки-Уэст во Флориде, он застрелился бы на десять лет раньше. В то же время нет, наверное, в мире человека более радостного, чем Ремек.

Мы всю неделю писали этот реферат. В смысле он писал, а я только поддакивала, потому что из-за моей грусти все было безразлично. Однажды он пригласил меня в столовую на обед (Магда до сих пор рассказывает об этом в своем баре: «В столовку, понимаешь, в столовку! Тут, в нашем заведении, одно пиво дороже, чем там весь обед с десертом. А на десерт – кисель. Кисель!») и рассказал о себе. Там, в этой столовке. Мать родила его в тюрьме. Прошел через детские дома от Жешова до Гижицко и от Болеславца до Щецина, зацепив Старгард-Щецинский. В Старгарде кто-то обнаружил, что он знает английский. Он учил его вечерами – хотел понять, о чем поет Козн. Он переводил письма для всего магистрата, бесплатно занимался с детьми разных шишек. Ему дали стипендию. Послали в школу. В другой город. Потом он возвратится в Старгард, чтобы ее выплатить. Эту стипендию. «Прекрасный город с прекрасными перспективами», – говорит он. Может, даже получит квартиру. Еще ему выделяют деньги на одежду. Но дама из бухгалтерии в магистрате – его знакомая, так что в рамках этой «одежды» она закрывает его счета за книги. Может ли больше повезти в жизни? Разве можно, просыпаясь по утрам, не радоваться, что ты живешь?! Я слушала его и стыдилась. Просто мне было стыдно. За свои, с позволения сказать, печали и проблемы, которые вдруг оказались пустяковыми.

С того самого обеда в столовке мы с Ремексом ходим в кино. Платит всегда он. За все. За билет, за попкорн и за мой проезд в автобусе домой. Я не хочу его обидеть, потому и соглашаюсь. Он всегда счастлив. И перед фильмом, и после фильма. Как будто ему за 20 злотых подарили два часа пребывания в другом мире.

Думаю, что Ремек проживает каждый новый день своей жизни как ребенок, которого родители впервые взяли в Диснейленд.

С этого реферата по Хемингуэю он – единственный мужчина (Магда говорит, что мне надо сходить сначала к окулисту, а на обратном пути заглянуть к эндокринологу и сдать анализ «на гормоны»), у которого есть номер моего мобильного. Он наверняка не знает, как его восхищение жизнью помогло мне найти новый смысл своей жизни.

Понедельник: пойти помолиться

Магда не права.

Это неправда, что религия только для «исполненных панического страха наказания после смерти за грехи, содеянные при жизни». Я ей сказала это сразу по возвращении из костела в понедельник вечером. Магда не верит в Бога. Поэтому о Боге с ней надо разговаривать с учетом уважения к ее атеизму. Только тогда есть шанс.

Опять у нас была долгая дискуссия, и снова она на меня обиделась. Но только на восемнадцать минут. Магда знает это точно, потому что засекает время, сколько выдержит обиду на меня. Говорит, что чем дольше со мной живет, тем меньше становится это время.

Магда, она такая. Может сказать что-то прекрасное вроде «ты моя лучшая подруга» таким образом: «Сегодня только восемнадцать минут, Мартина».

Магда воспринимает костел, скорее, как институт, чем как что-то, связанное с верой. Она не в состоянии отделить одно от другого. Она считает, что ксендзы должны быть так же исполнены чистоты, как «та белая круглая вафля, которую они дают»⁸. Как раз из-за этой «вафли» мы и сцепились. Поскольку я знаю, что Магде прекрасно известно, как на самом деле называется эта «вафля», я чувствую себя задетой. Она же думает, что назвать облатку «вафлей» – круто. С прошлого понедельника больше так не думает.

То есть Магда путает Церковь с приходом. Она считает, что церковнослужители должны быть чем-то вроде ангелов. А тем временем эти ангелы приходят «в цивильном прикиде» в ее бар и шарят глазами по бюстам девушек, что ее «реально опускает». Я ей говорила, что они тоже люди. Что с появлением призвания тестостерон не исчезает. Что, когда они были мальчиками, у них тоже были поллюции, да и теперь, когда они стали мужчинами, им наверняка снятся эротические сны. Она засмеялась. Магда не любит, когда она смеется, а я не смеюсь. Я не смеялась. И тогда она рассказала мне анекдот. Встречаются два ксендза. Один говорит другому:

– Слушай, с таким Папой Римским мы не дождемся упразднения обета безбрачия.

Второй, грустно кивая, добавляет:

– Это точно, мы не дождемся. Разве что наши дети...

И мы засмеялись вместе. Так, как нравится Магде.

Я хожу в костел только по понедельникам. Даже если это всего три раза в году, все равно это будут три понедельника. Вечером. Когда там никого нет. Тогда Бог уже отдохнул от всей воскресной толчеи. Тогда можно с Ним спокойно поговорить. То есть я сначала

⁸ Имеется в виду облатка.

молюсь Ему, а потом мы разговариваем. В последний понедельник я разговаривала с Богом о мужчинах. Даже если Бог не мужчина, то все равно много должен знать о них. Ведь Он их создал первыми. Но я также знаю, что после их создания Он чувствовал своего рода неудовлетворенность и с этим настроением создал женщину.

Ну, значит, поговорила я с Богом о мужчинах и теперь уж знаю, что хорошо, на самом деле хорошо, что отец купил мне мобильник с новым номером.

Умереть на игле и без прописки

Вчера из Дома студента в кампусе «скорая» не взяла торчка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.